

премьера Газета - 2005 - 17 апреля 11

Лукоморья больше нет

«Недосказки» в «Школе драматического искусства»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

У всякого театрального человека имя **Дмитрия Крымова** вызовет множество ассоциаций. Во-первых, это сын **Анатолия Эфроса** и **Наталии Крымовой**, во-вторых, отличный художник сцены и, в-третьих, человек, решивший несколько лет назад, что дозрел до режиссуры. Для тогдашнего дебюта был выбран «Гамлет», и, как часто бывает у новичков, в спектакль Театра имени Станиславского было вложено столько нечеловеческих усилий, что все вылилось в «перережиссуру». Новая работа Крымова в «Школе драматического искусства», напротив, оказалась элегантно и легка. Спектакль назван «Недосказки», а свою роль в его рождении Крымов называет «недопостановкой».

Самое приятное известие о недоспектакле Дмитрия Крымова в том, что в «Недосказках» никто и не думает актерствовать. Да и кому актерствовать? Мальчики и девочки, в полной немоте перелагающие для сцены русские народные сказки, не тому обучены. Все они — второкурсники факультета сценографии РАТИ-ГИТИСа, и свои художественные тела рассматривают исключительно как подсобный материал для рисования. Вот чья-то спина с острыми лопатками заменила ватман, и на ней с помощью черной гуаши быстренько рождается (точка, точка, запятая) чья-то кривая рожа — пускай это будет тот самый старик, что жил со своей старухой. В полном соответствии с традицией сказочных перевертышей это Нечто ставят к зрителю задом, к лесу передом — и ну его малым задним ходом в лес на лыжах! Сложенные на груди локти, стоит их обвести ярко-красной помадой, обратятся в гигантские губы, а нахлобучь на плечи что-нибудь большое и красное да подвесь лукошко к рахитичным ручкам-обманкам — и перед тобой вылитая Красная Шапочка. Собственно говоря, перед нами — экзотическая разновидность кукольного театра, где сам человек — и кукловод, и кукла. При том удручающем положении, в котором пребывает сегодня кукольный театр, «Недосказки» не могут не порадовать своей изобретательностью.

Самая печальная новость «Недосказок» состоит в том, что, по версии студентов, русский сказочный мир стал пространством страшной трагедии. Не выжил никто. Ни Старик со Старухой. Ни Золотая Рыбка, жадно сожранная еще до того, как успела исполнить старикивские желания. Ни Жучка (застрелилась), ни Внучка (повесилась на косе), ни Мышка (сложила голову

на гильотине мышеловки) не дождалась урожая репки. Трехголовый Змей Горыныч скончался в жутких мучениях, оставшись без обеда. Все, все, все умерли. Выжил лишь торжествующий Иван-Дурак, без тени сомнения поджаривший свою Царевну-Лягушку с яичницей из трех яиц — видимо, в эпоху глобализации идеи французской кухни проникают даже в русские народные сказки. Не по-детски вышло. При авторе этих строк из зала кто-то выводил по недомоту впущенного туда карапуза — перепуганный малец шел крепко зажмурив глаза и зажав уши.

Надо сказать, что афанасьевские сказки, если их не адаптировать для детского разума, представляют собою вообще довольно страшненькое чтение, а их персонажи — недолюди, живущие на грани между миром мертвых и миром живых. Баба-Яга, например, со своей костяной ногой — не кто иная, как охранительница входа в царство мертвых. Будет своя костяная нога и в спектакле Крымова. Точнее, деревянная. Ее отпилит себе симпатичная Девушка Яга и будет потом, одного подпрыгивая, нянчить эту деревяшку взамен ребенка. Герои спектакля Дмитрия Крымова рисуют себе глаза на тех местах, где растет нос, с легкостью выращивают запасные ножки и ручки и создают перед нами страшненький и искаженный мир. Оно, конечно, и забавно посмотреть, но все равно как-то не по себе.

У Внучки из сказки «Репка» выросли детские тряпочные ножки, приставленные к взрослому туловищу